

осы қысымшылықтың езіп-жаншу мен қанаушылықтың, кедейлік пен аштықты тудыратын негізгі себептерді түсіне бермегені анық. Лао Шы Сянзы үшін бақытқа жетер жалғыз жолды көрсетіп бере алмады, ол жол - оның ақыл-сезімін, таным-түсінігін оятып, өзінің адамзаттық құқығы үшін күресу жолы болатын.

Романға сәттілік алып келген оның тілі ғана емес, сонымен қатар Лао Шы-ның қарапайым халық тұрмысын жақсы білуі, жарқын әрі есте тез қалатын детальдарды көрсете білуі. 30-шы жылдардағы қытай әдебиетіндегі шығармалардың қаһармандарына көбінесе оқымыстыларша өзін-өзі ұстап, оқымыстыларша ойлау тән болса, Лао Шы-ның кейіпкерлері-арбакештер, ой өрісі бойынша да, дүниетанымы бойынша да арбакеш болып қалды. Ол арбакешке тән қалай сөйлеу керек болса солай сөйлеп, арбакеш қалай ойласа, ол да солай ойлайды. Лао Шы-ның пекиндік кедейлер өмірінің жетік білгірі болғандықтан да Сянзы мен басқа да төменгі тап өкілдерінің күйзелісі мен ойлау немесе терендей еніп, образға кіріп кетеді. «Мен өзім кедей отбасынан шыққанмын, сондықтан да болар, кедейлердің жағдайын өте жақсы түсінемін. Өз мамандығымның барысы бойынша мен әдетте оқымыстылар арасында жүргенмен, менің достарым тек профессорлар, ғалымдар мен жазушылар ғана емес, бокселер, көше әншілері мен арбакештер де менің достарым. Олармен қарым қатынаста мен өмірлерінің тек сыртқы

жағын ғана емес, сонымен қоса олардың рухани әлемін танымын.» /11/.

Сезімі сергек, ұлттық санасы жоғары, жалынды жазушы өзі өмір сүрген қоғамның, заманның, елдің тынысын қадағалап, одан түйгені мен сезгенін өз тілімен халқынның алдына тастап, ой бөлісіп отырған, оны өнердің биік шыңына көтере отырып бейнелеген. Оны осы бір ғана «Арбакеш» романы арқылы да байқауымызға болады.

1. Федоренко Н.Т. “О творчестве Лао Шэ”, журнал “Современная востоковедение”. 1955 г №5 111-120 беттер.
2. “Реализм : жанр , стиль”. Фрунзе . КГУ. 1990 г. 12 бет.
3. Эйдлин Л.З. “ О китайской литературе наших дней” М., 1955 г. 53-57 беттер
4. А.А Антиповский. “ Раннее творчество Лао Шэ. Темы, герои, образы”. М., Наука. 1967 г. 12 бет
5. 老舍. 骆驼祥子。2003 年。25-26 беттер
6. 老舍. 骆驼祥子。2003 年。32 бет
7. А.А Антиповский. “ Раннее творчество Лао Шэ. Темы, герои, образы”. М., Наука. 1967 г. 84 бет
8. Бұл да сонда 64 бет
9. 老舍. 骆驼祥子。2003 年。46 бет
10. 老舍. 骆驼祥子。2003 年。48 бет
11. 老舍. 骆驼祥子。2003 年。63 бет

В статье рассматривается роман Лао Шы “Рикша” а также реализм в романе.

This article about Lao She' s novel “Riksha”. There are also some realism phenomenons in this novel.

Г.М. Молотова

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ДАСТАНЕ «ГУЛАНДАМ»

Каждый жанр народного творчества имеет свою форму связи с исторической действительностью. В народных дастанах не каждое событие становится предметом повествования. Зарождение каждого народного эпоса связано с определенными потрясениями в жизни народа, с поворотными моментами в развитии общественного сознания. На протяжении своего суще-

ствования дастаны вбирают в себя исторические воспоминания разных времен, образующие «напластования» в идейно-художественном содержании эпоса. Порой эти «напластования» создают некоторые затруднения при определении исторической действительности, отраженной в тексте. Изучение отношения дастанов к истории предполагает рассмотрение вопроса

историзма жанра. Композиционное строение более ранних народных эпосов несколько отличается от текстов XX века. Так, на примере эпоса «Огуз-наме», зафиксированного в XIII в. можно предположить – в раннем средневековье эпическое повествование строилось прозой, но рифмованной. В дальнейшем, в более поздних формах эпоса, наблюдается чередование прозаического и поэтического повествования. Прекрасными образцами эпоса средневековья выступают варианты уйгурской версии «Гороглы», «Гуландам» и т.д. Что касается образцов исторического дастана XVIII-XIX вв., то следует отметить, повествование строится только поэзией. Таким образом, исследуемые нами тексты народных дастанов дает нам возможность судить об историзме жанра.

Вторая немаловажная проблема, требующая изучения – отражение реальности в народных дастанах. Проблема развития эпического историзма была и остается в центре внимания фольклористов всего мира. Ибо в них зафиксированы элементы обрядовой культуры народа, повествуется об исторических личностях, событиях. Вопрос исследования историзма в жанрах народного творчества остается актуальной и в отношении уйгурского фольклора.

Вторая половина XVIII в. характеризуется переломным в жизни уйгурского народа событием – утрата независимости Уйгурского государства как результат междоусобной борьбы двух партий ходжей (белогорцев и черногорцев). Поэтому в уйгурском фольклоре и литературе XVIII в. особо воспеваются идеи патриотизма, борьбы за независимость. В творчестве поэтов Зелилий, Арший, Футухий, Навбаций, Каландара, Харабаций с особой силой воспеваются идеи свободы, патриотизма. Идеи освободительного движения, патриотизма с новой силой развивается в жанрах поэзии и прозы XIX века. Такие представители поэзии и прозы, как А. Низарий, Н. Зияий, Т. Герибий, Сабурий, Ниязий, Билал Назим, Молла Шакир, Сейит Мухаммад Каший, Низамидинахун внесли лепту в развитие вышеназванных тем и идей. В эту эпоху народными певцами слагаются песни и дастаны, воспевающие героиче-

ской борьбы уйгурского народа против маньчжуро-китайского ига. Народные герои становятся прототипами дастанов, где особым пафосом повествуется борьба против общего врага, героизм народных избранников. В процессе создания дастанов сказители обращаются не только к событиям современности, но к славному прошлому. Поэтому некоторые исторические личности прошлого становятся прототипами образов их произведений. При создании дастанов сказители пользуются традиционными выразительными средствами, образами врага и национального героя.

При рассмотрении текстов возникают некоторые вопросы. Например, каково соотношение реальности и рассматриваемых текстов. Каков потенциал мифической и исторической интерпретации эпических событий, образов, сюжетов? В чем историческая основа событий, воспеваемых в дастанах? Правомерна ли попытка, связать героев этих жанров с какими-либо историческими этносами, историческими прототипами? Решение этих проблем являются первостепенными задачами исследователей.

Для раскрытия поставленного вопроса мы обращаемся к народному дастану «Гуландам». Текст был записан в 1957 г. фольклористом Асим Бакиевым от кашгарского сказителя Кадира Сайидийхана (псевдоним его – Торгай) /1, 3-28/. Этот дастан представляет большой интерес для исследователя. Во-первых, текст составлен согласно эпическим традициям. Композиционно он построен чередованием прозаического и поэтического повествования. Прозаическая часть тоже рифмованная. Язык повествования очень красивый. Дастан свидетельствует о том, что псевдоним «Торгай» (жаворонок) дан сказителю именно за его красноречие. На первый взгляд может показаться, что дастан воспекает события XVIII-XIX вв. Для выяснения исторической основы дастана мы, прежде всего, обращаемся к историческим источникам. В процессе работы выявляются весьма интересные данные. При изучении кашгарского списка «Тазкира-йи Богра-хан» встречаешь интересные для нас

сведения: внук султана Сатук Богра-хана Йусуфе Кадирхане был одним из правителей династии караханидов, столицей его государства был город Яркенд; старшая дочь султана Сатук Богра-хана, прозванная народом хазрати Марийам, сражалась на поле брани, наряду с мужчинами /2/. Эти данные из указанного источника наталкивают на мысль, что в дастане «Гуландам» отражены события, сохраненные в памяти народа о давно минувшей эпохе. Главная героиня Гуландам – воительница, богатырша. В момент нападения врагов «каракайцев» она во главе войска отправляется на борьбу против врага. Отцом Гуландам, правителем Яркенда назван Йусуф Кадир оглани (Юсуф сын Кадира). При сличении фактов из источника «Тазкира-йи Богра-хан» с текстом дастана приходим к выводу, что в дастане «Гуландам» нашло свое отражение историческое событие эпохи правления султана Сатук Богра-хана (X в.), оставивший глубокий след в памяти народа. Образ Гуландам косвенно указывает на воинственный дух дочери султана Сатук Богра-хана. Что касается воспеваемого сражения яркендской армии с «каракайцами», маршрут войск Гуландам, то нужно думать, что они соответствуют к событиям более позднего периода, т.е. XVII-XVIII вв. На примере данного дастана наблюдается факт появления «напластования» событий разных эпох внутри одного текста. Это явление можно объяснить тем, что, как уже отмечалось, в XVIII-XIX вв. особую актуальность приобретает идея борьбы за независимость и патриотизма. Образ Гуландам – воительницы, богатырши соответствовал требованиям времени. Можно выдвинуть предположение, что прототипом образа Гуландам является дочь султана Сатук Богра-хана А'ла Нурханум. Образ отца Гуландам Йусуф Кадир оглани – Йусуф Кадирхан внук султана Сатук Богра-хана. Нас на эти выводы наталкивают те факты из «Тазкира-йи Богра-хан», которые приведены выше. Образы исторических личностей, сохраненные в памяти народа, были использованы при воспевании событий более позднего периода.

Что касается образа девушки-воина, то следует отметить, что сведения о девушках правивших государством, отличавшихся воинским мастерством и могуществом заключены в исторических трудах «Тазкира-йи Богра-хан» /2/ и «Шаджараи таракима» Абу-л-Гази /3, 78/, «Тарих-и амнийя» Моллы Мусы Сайрами /4/. Авторы трудов упоминают о девушках, которые владели воинским мастерством и правили страной.

В «Тарих-и амнийя» Моллы Мусы Сайрами (XIX) приводится легенда о происхождении одного из правителей Туглука Томур-хана. Как гласит легенда, Аланкива из династии ельханов правила страной. В данной легенде использован мотив непорочного зачатия. Этим выдвигается идея, что Туглук Томур-хан избранник небесных покровителей. Эпизод, повествующий о предназначенности судьбы героя свыше, является отголоском древнетюркского верования.

Образ женщины-правительницы присутствует и в легенде «Тумарис». Легенда о воительнице-правительнице массагетов сохранилась в уйгурском фольклоре наряду с исконно-уйгурскими образцами сказочной прозы.

Следующее произведение сказочной прозы, где создан образ девушки-защитницы, это предание «Ипархан». Событие, повествуемое в тексте, соответствует к эпохе правления хана-маньчжура Ишинкру (1711-1799 гг.). Нур А'ла Нурхан – дочь одного из яркендских полководцев, народ прозвал «Ипархан». Девушка была искусной наездницей, превосходным воином. Она попадает в плен в одном из сражений. Предание подчеркивает ее патриотизм, несгибаемую волю. Ипархан пленяет Ишинкру своей неопишуемой красотой. Несмотря на готовность Ишинкру делать все, чтобы добиться ее благосклонности, Ипархан отвергает жизнь во дворце врага своего народа.

Яркендская принцесса в легенде «Йэкэн мәликиси» как и героини предыдущих легенд и преданий в совершенстве владеет воинским искусством. Событие, описываемое в легенде, далеко от реальности. В легенде повествуется о походе Ис-

кандера (Александра Македонского) на территорию Восточного Туркестана. Хан Яркенда отправляет дочь на сражение с Искандером, дав ей кавалерию. Яркендская малика, с вежливостью присущей восточным девушкам, уступает право первым бросить копье богатырю Искандера (в варианте малика вступает в поединок с самим Искандером). Текст подчеркивает меткость яркендской малики. После поединка богатырей по традиции состоялось массовое сражение. В данном случае для народного сказителя было главным показать воинское мастерство принцессы.

В отличие от легенды «Яркендская принцесса» героиня предания «Кизилчи хеним» вступает в бой, переодевшись в мужской наряд. Легенда повествует о сражениях между уйгурами мусульманами и кефирами. Судя по описываемой войне хотанских (уйгуров) кефилов и уйгуров-мусульман можно предположить, что речь идет о событиях X-XII вв., когда в Хотане господствующей религией оставался буддизм, в то время, когда караханиды приняли ислам. Легенда называется именем героини - Кизилчи хеним. Способом антитезы весьма ловко передается присущая красота и гибкость девушки, а также ее храбрость и воинственность. Как гласит предание, кефилов привело в ужас появление в поле сражения подобного богатыря. Кизилчи хеним при каждой атаке отбрасывала врага на сорок шагов. Враги решили прибегнуть к уловке: заманив в ловушку уничтожить богатыря. Почувствовав ловушку, Кизилчи хеним не отступает, а углубляется в тыл врага. Когда отравленные вражеские стрелы попали в ее руки, Кизилчи хеним продолжает борьбу: держа зубами саблю, дерется с врагами. Когда под воздействием яда Кизилчи хеним падает с коня, она бросает взгляд на небо, затем на землю и обращается с мольбой к матушке-земле укрыть в своих объятиях. Уход из жизни героини описывается весьма красочно: *«Разверзнувшаяся по просьбе Кизилчи хеним земля взяла ее в свои объятия и укрыла»*. Этот мотив встречается и в «Тазкира-йи Богра-хан». Так, хазрати Марийам (как выше упомянули, что дочь султана Сатук Богра-хана народ прозвал хаз-

рати Марийам), чтобы не попасть в плен врагу просит землю-матушку скрыть ее. Обращение к Земле-матушке, на наш взгляд является отголоском древнетюркского вероисповедания (Святая Йер-Сув).

Воинственный дух, мастерство воина, патриотизм героин легенд- преданий, видимо, привлек внимание сказителей. Поэтому подобного характера легенды-предания широко распространены среди уйгуров. С другой стороны, утрата независимости уйгурского народа в XVIII в. побудила к созданию произведений воспевающих идеи патриотизма, борьбы за независимость. В этот период актуальность приобретают образцы несказочной прозы, дастаны повествующие о деяниях защитников отечества.

Как видим, не случайно образ девушки-защитницы отечества становится центральным в народных дастанах. Дастан «Гуландам» воспевает достоинства девушки, ставшей на защиту своей родины, когда над ней нависает угроза. В прологе дастана рассказывается о неопишуемой красоте Гуландам – дочери правителя Яркенда, подчеркивается ее ум и талант импровизатора и музыканта. Описывается состязание, проводимое между принцами девяти государств и Гуландам. Состязание несет мирный характер: посредством вопросов и ответов, умением играть на инструментах и импровизаторского таланта принцы проходят испытание. Во вступительной части дастана не раскрывается основная идея – показать храбрость и воинственный дух яркендской малики. В некоторых эпизодах можно почувствовать акцент на ее богатство. Так, ее отец Йусуф Кадир оглани говорит: *«Если тебя победят, считай, что твоей стране пришла беда» (Йеңилип қалсаң өз елиңгә кәлди дәрт дегин!).* В другом случае Йусуф сын Кадира называет дочь *«опора моя», «сила моя»*. В ответе на слова отца Гуландам, которая успокаивает его, чувствуется присущая ей большая физическая сила: *«подняв, подбросит в небо, если разгневать твою единственную дочь» (кәтирип ташлармән асманга, бу ялғуз қизиңниң гәзиви ташса).* В песнях девушек-сверстниц воспевается независимость, лю-

бовь к свободе героини («как цветок, цветущий в долине»), отмечается, что она глава всем девушкам. Сочетание «ты предводитель девушек» (*эсли қызлар сәрдарисән*) дает характеристику девушки как богатыря. С другой стороны, в этом сочетании содержится намек на отряд девушек-воинов.

Основной конфликт дастана – отражение набега врага. В тексте нашел отражение конкретно-исторический враг уйгурского народа. Враг назван «қара қарақчилар» - «черные захватчики, разбойники» (в этом случае можно переводить как «разбойники»). По тексту видно их разбойное нападение на населенные пункты, грабеж, жестокая расправа с народом. Повествуется, что оккупанты нарушили границу на Шин-ши-ша и дошли до Комула и Турфана. Шин-ши-ша - город, расположенный на востоке, в приграничной зоне с Китаем. Этот факт указывает на конкретного врага уйгуров – китайцев. Маршрут армии, возглавляемой Гуландам, проходит через пустыню Такли-макан, добираются до древнего города Комул. После освобождения Комула и Турфана яркендская армия сражается за город Шин-ши-ша. Таким образом, упоминаются реальные топонимы.

Выступая против врага, Гуландам подвергает основному испытанию принцев девяти стран. Она бросает вызов: «Откуда мне знать кто настоящий мужчина, а кто трус. На поле брани покажите свое мастерство». На призыв девушки принцы отвечают: «Враг, напавший на вас и наш враг. Мы с вами родственники, к тому же слова Гуландам оставить без ответа не свойственно настоящим мужчинам» (*Силәргә кәлгән дүшмән бизгә дүшмәндур. Биз силәр билән қом-қериндашмиз, униң үстигә Гүләндәмниң сөзини йәргә уруш арлик әмәс!*). Словами принцев девяти стран высказывается идея о единстве всего мусульманского мира.

В дастане уместно использован мотив переодевания девы-воительницы в мужской наряд. Выступая в поход, Гуландам просит всех держать в тайне, что она девушка. Выдвигается идея, что из-за отсутствия сына, единственная дочь прави-

теля Яркенда берет на себя обязанности защитника своего народа. Мотивом переодевания Гуландам делается акцент еще на один аспект реальности – положение женщин в мусульманском мире. Отражение некоторых ограничений по отношению к женщине. Эта действительность XIX в. Гуландам вооружена как богатыри героических эпосов: позолоченная сабля (*алтун сүйи йүгәрткән қилич*), копьё длиной в двенадцать аршин (*он икки гәз нәйзә*), булава (*гурзи*).

Гуландам прославляется доблестной борьбой против набега «қара қарақчи». Так в тексте называются китайцы. Сказитель не дает подробного военного обмундирования Гуландам. Словами ее отца перечисляются доспехи, в которые она одета:

Савут, қалқан тон кийипсән үстүңгә,
Одела железные латы и шит сверж одежды,
Һәр ким қайил болуп қалар бәстингә.
Каждый восхищался твоей стройностью /5/.

В эпизоде, повествуемом о начале состязания, дается портрет Гуландам: Мәйданға чүшти ай-юлтузи,
В арену вступила его луна-звезда,
Султан Йүсүп Қадир кизи,
Дочь султана Йусуф Кадира,
Яркәнтниң йорук күндүзи,
Яркий день Яркенда,
Көзлири таң юлтузи,
Глаза, словно предрассветные звезды,
Қиммәт баһа күндузи,...
Драгоценная выдра (бобер)...
Балдин шириндур сөзи,
Слова ее слаще меда,
Яркәнт елидә йәккә өзи
В стране Яркенд она одна такая
Өлүкни тирилдуруп нази.
Оживляет мертвого ее кокетство.

Здесь Гуландам уподобляется яркой звезде, луне, солнечному дню. Подчеркивается ее сладкие речи. В этих строках встречаем сравнение Гуландам с Мессией. Ее кокетство способно оживлять мертвого. Отличительной чертой этого портрета является сравнение Гуландам с выдрой, бобром (*кундуз*). Этот эпитет, применяемый как в классической поэзии, так и в фольклоре. Обычно черный цвет волос героини

уподобляется цвету меха бобра, выдры. Вероятно, в данном случае черным цветом меха выдры выражается представление о затмевающей красоте девушки. Поэтому говорится, что она - «драгоценная выдра (бобер)» (*қиммәт баһа қундузи*) Яркенда. Также следует отметить, наряду с красотой яркендской малики воспевается ее ум, талант музыканта и импровизатора.

Дастан, воспевающий патриотизм и храбрость девы-воительницы, приобретает особую актуальность, начиная с XVIII в., когда уйгуры утратили свою независимость. Если в XVIII в. уйгуры были покорены джунгарами, то по истечению времени были подчинены китайцам. Поэтому в тексте упоминается враг - «черные разбойники» (*қара қарақчилар*). Героиня дастана Гуландам с мужем Шаанваром и войском отправляются в пограничный город Шин-ши-ша, чтобы охранять страну уйгуров от набега врага. В эпилоге нашло отражение чаяние народа о независимости - сказитель сообщает, что «с тех пор как Гуландам и Шаанвар со своим войском переехали в Шин-ша-ша и сторожат границы, страна уйгуров не знала войн, жила спокойно, а враги жили в страхе. Поэтому о народной героине, защитнице Гуландам сложено немало дастанов». Оптимистическими нотами завершается повествование.

В заключении хотелось бы отметить, что в рассмотренных легендах-преданиях основной акцент делается на воинское искусство и храбрость героини. Девушки-воины руководствуются патриотическими чувствами. Их сила и мастерство воина направлены на борьбу с внешним врагом. Эта особенность была отмечена Л.Екшембаевой, которая писала, что «У традиционных женщин-богатырей героического эпоса их функциональность мотивируется в основном патриотическими чувствами» /6, 21/.

Следует отметить, что мотив переодевания имеет место лишь в предании «Кизилчи хеним». Враги девушку Кизилчи хеним принимают за богатыря. Только ее отец и земляки знают, что на поле брани сражается девушка. Что касается дастана «Гуландам», то и в этом дастане использован мотив переодевания девушки в муж-

ское одеяние. Как и в предании «Кизилчи хеним», жители Яркенда знают, что на военные походы во главе армии отправляется дочь их правителя. Однако, население Турфана, Комула, где проходят военные действия, не подозревает, что перед ними переодетая девушка, так как она воюет наравне с мужчинами и командует армией. Таким образом, Гуландам, переодетая в мужское одеяние остается неузнанной, о чем свидетельствуют строки: «У Йусуфа сына Кадира, которого мы знаем, есть его звезда Венера, свет его очей - дочь по имени Гуландам. И этого зовут Гуландам. Интересно, что и мужчинам дают имя Гуландам» - сказали и выразили удивление. Многие поверили» (*Биз билидиган Йусуп Қадир огланиниң йәккә-йегәнә қизи, чолтан юлтузи, көз нури - Гүләндәм исимлиқ қизи бар еди. Бу һәм Гүләндәм экән. Қизиқ йери әрләрниң исмиму Гүләндәм болидекән*) - дәп һәйран болушти. Көплири ишәнди). Этим отрывком подчеркивается утаивание девой-воительницей своего пола.

Таким образом, при сличении фактов из источника «Тазкира-йи Богра-хан» и описываемых событий в дастане приходим к выводу, что в дастане «Гуландам» нашло свое отражение историческое событие, сохраненное в народной памяти. Воспеваемое сражение яркендской армии с «кара-китайцами», маршрут войск Гуландам соответствуют к событиям более позднего периода, т.е. XVII-XVIII вв. На примере данного дастана наблюдается факт появления «напластования» событий разных эпох внутри одного текста. Это явление можно объяснить тем, что, как уже отмечалось, в XVIII-XIX вв. особую актуальность приобретает идея борьбы за независимость, патриотизма.

1. Текст дастана «Гуландам» опубликован в журнале «Арзу». 1992, № 3.
2. Автором кашгарского списка «Тазкира-йи Богра-хан» является Мулла Хаджи. «Тазкира» был опубликован в Кашгаре в 1988 г.
3. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.
4. Тарих-и амнийа. Мола Муса Сайрами. Урумчи, Синьцзянское народное издательство, 1989.

5. Прямой перевод строк осуществлен автором статьи.

6. Екшембаева Л. Некоторые особенности развития эпического образа женщины в тюркском эпосе. Советская тюркология. 1984, № 5.

Мақала аясында жанрадағы тарихилық пен жанрдың тарихилығы мәселесі қарастырылады. Бұл мақсатта түрлі дәуірлердегі эпос мәтіндері пайдаланылған. Дастан жанрындағы тарихилық мәселесін шешуде автор «Газкира-йи Буғра-хан» атты тарихи шығармадағы және «Гуландам» дастанында келтірілетін мағлұматтарға талдау жасады. Аталмыш мәтіннің мысалында түрлі замандағы шындықтарды «қатпарлау» құбылысы анықталды. Жыршының қыз-жауынгер образын жасауына назар аударылады. Осы әйелдер образының типі

көптеген түркі халықтарының фольклорында кең таралған.

Article is devoted an actual problem of a historicism of Uigur folklore. On the article attempts of consideration questions of historicism in a genre and a genre historicism becomes. For this texts of the epos of different epoch are involved. At the decision of a question of historicism in a genre dastan the author spends checking of the data resulted in the historical composition "Tadkira-ii Bughra-khan" and events dastan "Gulandam". On an example of the given text the phenomenon "напластование" is revealed realities of different epoch. Also the attention to creation by the storyteller of an image of the maiden-soldier is paid. It notices that this type of a female image widespread the majority in folklore of the Turkic people.

А.А. Мустафаева

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Показателем «уровня развитости языка» является состояние лексики. Состояние лексики определяется не только количеством, но и качеством ее создания. Многие ученые лексику считают зеркалом языка, так как лексический запас языка показывает развитие его народа в целом. Не случайно словарь племенных языков Африки обычно исчисляется несколькими тысячами или даже сотнями. Терминология как совокупность терминов составляет часть специальной лексики. Она (специальная лексика) – совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики. Истоки специальной лексики уходят вглубь веков, в процессе целенаправленной профессиональной деятельности человека создаются новые идеи, вещи, которых раньше не было, а, следовательно, и не было слов для их названия. Поскольку неназванными понятиями оперировать трудно, деятельность терминологов постоянно сопровождается образованием новых терминов. Хотя в мире насчитывается свыше 2000 языков, развитая научная терминология существует лишь на 60 языках и охватывает около 300 профессионально-предметных полей. Тер-

минологическая активность в каждом поле зависит от продуктивности отрасли, в которой создаются новые понятия и названия, от участвующих в этом процессе ученых и от успехов международного сотрудничества /1, 5/.

К специальной лексике в полной мере приложимо понятие «лексическое поле», разработанное Й. Триром. Вне своего поля специальная лексика не может существовать, она становится непонятной. В результате процесс укрепления национальных языков проходит параллельно с интенсификацией интеграционных процессов в мире, в особенности в области науки. Существует необходимость в получении масштабной информации в области науки и техники, требующая знания многих языков. Антуан Лавуазье в «Основных рассуждениях о химии» писал, что «нельзя отделить ни науку от терминологии, ни терминологию от науки» /1, 7/.

В истории арабской терминологии выделяются два этапа развития – классический и современный. Классический период зарождения религиозной лексики стал фундаментом для развития других видов арабской терминологии, среди них философии, экономики, социологии, ме-